

АКАДЕМИЯ НАУК СССР ~ ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ

М. ГОРЬКИЙ и А. ЧЕХОВ

ПЕРЕПИСКА, СТАТЬИ
И ВЫСКАЗЫВАНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. Д. БАЛУХАТОГО

1937

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

II. ВЫСКАЗЫВАНИЯ М. ГОРЬКОГО ОБ А. ЧЕХОВЕ

в письмах, статьях, рассказах-мемуарах

1898 г.

Антону Павловичу Чехову от автора. А. Пешков.

Надпись Горького на книге „Очерки и рассказы“, т. I, изд. С. Дороватовского и А. Чарушикова, СПб., 1898. Книга хранится в Литературном музее им. Чехова в г. Таганроге.

Нам известно, что редакция „Журнала для всех“ имеет намерение пригласить к участию в своем издании наших выдающихся литераторов и ученых и отчасти уже осуществила это намерение — в портфеле редакции имеются три рассказа А. П. Чехова, которые появятся в следующих книжках; следует думать, что за А. П. Чеховым и другие придут на помощь редакции журнала в бодром и симпатичном стремлении привлечь внимание читателя к этому журналу, вполне и безусловно достойному внимания.

„Библиографические заметки“, „Нижегородский Листок“ 1898, № 287, 19 октября.

Что с Чеховым? Пойдет он к вам? Как бы это хорошо если б пошел.

Из письма Горького к С. П. Дороватовскому от 14 декабря 1898 г., „Печать и Революция“, 1928, кн. 2, стр. 77—78. Речь идет о приглашении Чехова сотрудничать в журнале „Жизнь“, одним из пайщиков которого был С. П. Дороватовский.

1899 г.

Дорогому Антону Павловичу от автора. М. Горький.

Надпись на книге Горького „Очерки и рассказы“, т. III, изд. 2-е, С. Дороватовского и А. Чарушикова, СПб., 1890 г. Книга хранится в Литературном музее им. Чехова в г. Таганроге.

Не печально ли, в самом деле, то обстоятельство, что разные инородцы, населяющие необъятные пространства Сибири, являются натурою для художественных работ большинства наших талантливых писателей, тогда как мы, россияне, давно уже поступили во владение одного только А. П. Чехова?

М. Горький. „Тан. Чукотские рассказы“, „Нижегородский Листок“, 1899, № 329, 30 ноября.

1900 г.

Антону Павловичу Чехову М. Горький.

Печатное посвящение на книге М. Горького „Фома Гордеев“. Повесть, СПб., 1900 г. (Библиотека „Жизни“, № 3); в издании: Рассказы, т. IV, изд. т-ва „Знание“, СПб., 1900. — Добавлено от руки:

Горячо любимому и уважаемому.

Книга с надписью хранится в Литературном музее им. Чехова в г. Таганроге.

М. Г., г. редактор,

пожалуйста, напечатайте нижеследующее. Кто-то „из публики“ напечатал на днях в „Новом времени“ заметку о разговоре моем с лицами, находящимися в коридоре Художественно-общедоступного театра в Москве. Автор заметки говорит, что он присутствовал при этом лично, но я думаю, что это неправда, или он не дослышал, потому что слова мои он приводит в совершенно искаженной передаче московской газеты „Новости дня“.

Говоря с публикой, я не употреблял грубых выражений: „глазеете“, „смотрите мне в рот“ и не говорил, что мне мешают пить чай с А. П. Чеховым, которого в это время тут не было, ибо он сидел за кулисами. Я сказал вот что:

„Мне, господа, лестно ваше внимание, спасибо, — но я не понимаю его. Я — не Венера Медицейская, не балерина, не утопленник; что интересного во внешности человека, который пишет рассказы. Вот я напишу пьесу — шлепайте, сколько вам угодно. И как профессионалу-писателю мне обидно, что вы, слушая полную огромного значения пьесу Чехова, в антрактах занимаетесь пустяками“.

Сказав так, я извинился, хотя этого не надо было делать. Этим письмом я только протестую против искажения моих слов, но не извиняюсь. А газетчиков, раздувших это пустяковое происшествие, я от души спрашиваю: Неужели вам, господа, не стыдно заниматься пошлыми пустяками.

„Северный Курьер“, 1900, № 363, 18 ноября.

1901 г.

Дорогому Антону Павловичу от всей души М. Горький.

Надпись на книге Горького „Рассказы“, т. V, изд. т-ва „Знание“, СПб., 1901, 399 стр. Книга хранится в Литературном музее им. Чехова в г. Таганроге.

А. П. Чехов пишет какую-то большую вещь и говорит мне: „чувствую, что теперь нужно писать не так, не о том, а как-то иначе, о чем-то другом, для кого-то другого, строгого и честного“. Полагает, что в России ежегодно, потом ежемесячно, потом еженедельно будут драться на улицах и лет через десять-пятнадцать додерутся до конституции. Путь не быстрый, но единственно верный и прямой. Вообще, А. П. очень много говорит о конституции, и ты, зная его, разумеется поймешь, о чем это свидетельствует. Вообще — знамения, все знамения, всюду знамения. Очень интересное время...

Из письма Горького к В. А. Поссе, 1901 г., в книге последнего „Мой жизненный путь“, М., ЗИФ, 1929, стр. 275. Чехов, повидимому, писал в то время рассказ „Архиерей“.

Учитесь у Чехова, вот писатель, у которого нет лишних слов.

Из письма Горького к А. Я. Шабленко, 1900—1901 гг., „Резец“, 1936, № 24, декабрь.

1902 г.

Дорогому Антону Павловичу на память М. Горький 1902 г.,
17 марта, Олениз.

Надпись на книге М. Горького „Мещане“. Сцены в доме Бессеменова. Драматический эскиз в 4 актах, изд. т-ва „Знание“, СПб., 1902, 172 стр. Книга хранится в Литературном музее им. Чехова в г. Таганроге.

Я только на первом спектакле увидел и понял удивляющий прыжок, который сделали все эти люди, привыкшие изображать типы Чехова и Ибсена.

Из письма Горького к К. П. Пятницкому от 21 декабря 1902 г., „Ленинградская Правда“, 1927, № 188, 20 августа. Речь идет о первой постановке пьесы „На дне“ в Московском Художественном театре.

1903 г.

Дорогому другу Антону Павловичу А. Пешков.

Надпись на книге М. Горького „На дне“. Картины. Четыре акта, изд. 8-е, т-ва „Знание“, СПб., 1903, 166 стр. Книга хранится в Литературном музее им. Чехова в г. Таганроге.

1904 г.

В настоящий момент, когда вся Россия готовится праздновать четверть-вековой юбилей А. П. Чехова, с особенной силой выдвигается вопрос, которым в последнее время болезненно интересуется русское общество и товарищи Антона

Павловича. Дело заключается в поразительном и недопустимом несоответствии между деятельностью и заслугами Антона Павловича перед родной страной, с одной стороны, и необеспеченностью его материального положения — с другой.

25 лет работает А. П. Чехов, 25 лет неустанно будит он совесть и мысль читателя своими прекрасными произведениями, облитыми живою кровью его любящего сердца, и он должен пользоваться всем, что дается в удел честным работникам — должен, иначе всем нам будет стыдно. Создав ряд крупных ценностей, которые на Западе дали бы творцу их богатство и полную независимость, Антон Павлович не только не богат — об этом не смеет думать русский писатель — он просто не имеет того среднего достатка, при котором много поработавший и утомленный человек может спокойно отдохнуть без думы о завтрашнем дне. Иными словами, он должен жить тем, что зарабатывает сейчас — печальная и незаслуженная участь для человека, на которого обращены восторженные взоры всей мыслящей России, за которым, как грозный укор, стоит 25 лет исключительных трудов, ставящих его в первые ряды мировой литературы. Совсем недавно, на наших глазах, маленькая страна, Польша, сумела проявить дух великой человечности, щедро одарив Генриха Сенкевича в его юбилейный год, — неужели в огромной России Антон Павлович будет предоставлен капризу судьбы, лишившей его законнейших его прав...

Нам известен ваш договор с А. П. Чеховым, по которому все произведения его поступают в полную вашу собственность за 75 000 рублей, причем и будущие его произведения не свободны: по мере появления своего, они поступают в вашу собственность за небольшую плату, не превышающую обычного его гонорара в журналах — с тою только огромной разницей, что в журнале они печатаются раз, а к вам поступают навсегда. Мы знаем, что за год, протекший с момента договора, вы в несколько раз успели покрыть сумму, уплаченную вами А. П. Чехову за его произведения: помимо отдельных изданий, рассказы Чехова, как приложение к журналу „Нива“, должны были разойтись в сотнях тысячах экземпляров и с избытком вознаграждать вас за все понесенные издержки. Далее, принимая в расчет, что в течение многих десятков лет вам предстоит пользоваться доходами с сочинений Чехова, мы приходим к не-

сомненному и печальному выводу, что А. П. Чехов получил крайне ничтожную часть действительно заработанного им. Бесспорно нарушая имущественные права вашего контрагента, указанный договор имеет и другую отрицательную сторону, не менее важную для общей характеристики печального положения Антона Павловича: обязанность отдавать все свои новые вещи вам, хотя бы другие издательства предлагали неизмеримо большую плату, должна тяжелым чувством зависимости ложиться на А. П. Чехова и несомненно отражаться на продуктивности его творчества. По одному из пунктов договора Чехов платит неустойку в 5000 р. за каждый печатный лист, отданный им другому издательству. Таким образом, он лишен возможности давать свои произведения даже дешевым народным издательствам. И среди копеечных книжек, идущих в народ и на обложке своей несущих имена почти всех современных писателей, нет книжки с одним только дорогим именем — А. П. Чехова.

И мы просим вас, в этот юбилейный год, исправить невольную, как мы уверены, несправедливость, до сих пор тяготеющую над А. П. Чеховым. Допуская, что в момент заключения договора вы, как и Антон Павлович, могли не предвидеть всех последствий сделки, мы обращаемся к вашему чувству справедливости и верим, что формальные основания не могут в данном случае иметь решающего значения. Случаи расторжения договоров при аналогичных обстоятельствах уже бывали — достаточно вспомнить Золя и его издателя Фескеля. Заключив договор с Золя в то время, когда последний не вполне еще определялся как крупный писатель, могущий рассчитывать на огромную аудиторию, Фескель сам расторг этот договор и заключил новый, когда Золя занял во французской литературе подобающее ему место. И новый договор дал покойному писателю свободу и обеспеченность.

Для фактического разрешения вопроса мы просим принять наших уполномоченных: Н. Г. Гарина-Михайловского и Н. П. Ашешова.

Письмо издателю А. Ф. Марксу, составленное М. Горьким и Л. Н. Андреевым. Литературные друзья А. П. Чехова, готовясь к 25-летию юбилею писателя, предполагали отправить это А. Ф. Марксу от имени группы писателей, артистов и общественных деятелей. См. также стр. 330—331 настоящей книги.

1905 г.

Пожалуйста, попросите Вл[адимира] Ал[ександровича] [Поссе] купить мне браунинг, сей инструмент иметь необходимо, как я вижу. Здесь так пустынно, мы ходим по лесу одни и далеко. „Все может быть“, — как говорит маляр у Чехова.

Из письма к К. П. Пятницкому, февраль 1905 г., „Ленинградская Правда“, 1927, № 61, 16 марта.

1908 г.

Займитесь серьезно русским языком, читайте Лескова, Тургенева, Чехова, Короленко, старайтесь понять как они писали, чем отличаются друг от друга в языке и в построении фразы.

Из письма к Ф. Сотникову 1908 г., Сборник кружка рабочих-писателей „Зовы“, Астрахань, 1920.

1909 г.

Насколько обрисован мужик в журнальной и альманашной литературе наших дней — это старый знакомый мужик Решетникова, темная личность, нечто зверообразное. И если отмечено новое в душе его, так это новое пока только склонность к погромам, поджогам, грабежам. Пить он стал больше и к „барам“ относится по шаблону мужиков чеховской новеллы „На даче“, как об этом свидетельствует г. Муйжель в одноименном рассказе — автор, показания коего о мужике наиболее обширны.

М. Горький, „Разрушение личности“ — статья в сборнике „Очерки философии коллективизма“, СПб., „Знание“, 1909, стр. 399.

1910 г.

А рассказ „На путях“ — в этой книге является лишним, его не включайте. Он, как видно, ваша первая работа. В нем заметно влияние Чехова и есть чеховские настроения. Ничего, разумеется, не имею против этого, но это прошлое уже.

Из письма к Е. Д. Милидиной 1910 г. — „Воронежская Коммуна“, 1928, 14 апреля, литературное приложение.

1911 г.

Нередки заявления такого тона:... Крестьянин:

„Сборники мне не понравились, похабщины у нас и своей довольно, этим нас не удивишь. А вот достал я у священника, о котором писал, Лескова, приложение к „Ниве“ — господи помилуй, как хорошо! Такое родное и грустное все, такое близкое душе. Чехова, тоже приложение, прочитал две книжки, хохотал, как чорт. Матери с женой читал тоже самое, разливаются — хохочут. Вот — и смешно, а мило!“

М. Горький, „О писателях-самоучках“, глава „О чем они пишут“, „Современный мир“, 1911, № 2.

Привожу выдержки из писем...

Вот офицер:

„Я понимаю в литературе не меньше вашего, и рекомендовать мне читать Тургенева, Лесковых да Чеховых и других интеллигентов вы не имеете права“.

М. Горький, „О писателях-самоучках“, глава „Как они относятся к литературе“, „Современный мир“, 1911, № 2.

У людей моего круга опыта — нет любви, нет знаний жизни и — ужасное отношение к русскому языку.

После Тургенева, Лескова, Чехова и Короленко, студент второго курса, „изучивший всю русскую литературу на зубок“, пишет:

„Я утверждаю, что мой труд написан вполне оригинально и посредством одной интуиции, его основной мотив — преобладание в человеке интуитивного над интеллектуальным. В и б р а ц и я т е м б р а стиха нимально не совпадает ни с «Демоном», ни с «Онегиным», ни с стихами Брюсова и Бальмонта. З в у к о в ы е отношения измышлены мною, и моя поэма, утверждать могу, вполне самостоятельна“.

М. Горький, „О писателях-самоучках“, глава „Темы рассказов“, „Современный мир“, 1911, № 2.

Мне и до 1906 года приходилось очень много читать рукописей писателей-самоучек, и я совершенно определенно формулирую мое впечатление от литературы того периода так: почти

в каждом рассказе и стихотворении было ясно видно, кого из крупных литераторов читал автор перед тем, как самому взяться за перо. Зависимость от книг сказывалась и в манере писать, и в выборе тем, и в настроении; индивидуальность автора в огромном большинстве случаев была совершенно неуловима, она поглощалась рабским подражанием в прозе — Тургеневу, Короленко, Чехову, в стихах — Некрасову, Никитину, Надсону.

М. Горький, „О писателях-самоучках“, глава „О чем они пишут“, „Современный мир“, 1911, № 2.

Главное же — просто [писать], как Чехов. в языке, как Гамсун — без кокетства, без вывертов, вот так, как последнее Ваше письмо ко мне, например.

Из письма к П. Х. Максимову от 21 июля 1911 г., „Литературная учеба“, 1936, № 9, сентябрь, стр. 135.

В повести Андреева [„Сашка Жегулев“] очень возмущает меня его холодный сентиментализм, все эти „овражки“, „бережочки“, „перелесочки“ и „балалаечки“, удивляюсь, как может нравиться вам эта слащавость и как можно смешивать с чеховской грустью андреевскую сентиментальность.

Из письма Горького к В. Львову-Розичевскому 1911 г. (?), сб. „М. Горький. Материалы и исследования“, I. Л., 1934, стр. 180.

1912 г.

Читали вы мало, необходимо прочитать, для ознакомления с русским языком, всего Тургенева, Чехова, Короленко...

Из письма Горького к А. Лапшеву от 30 января 1912 г., сб. „М. Горький. Материалы и исследования“, I. Л., 1934, стр. 284.

Литературные суждения Наживина просты и оригинальны: „...Толстой, считавший Чехова, как и Тургенева, пустым, и тот увлекся его балагурством и поместил его „Душечку“ в свой вечный „Круг чтения“. Но присутствие там этого пустяка доказывает лишь только, что и великие люди могут ошибаться“.

Какая смелость! Даже против своего учителя поднял голос „г. защитник светлой истины!“ Но неправда, что Толстой считал Чехова „пустым“, он любил Антон Павловича и как человека, милой любовью отца, любил его и как литератора, часто сравнивая с Мопассаном, восхищаясь изящной правдою приемов его письма и ставя в пример молодым литераторам такие превосходные и глубокие вещи Чехова, каковы: „Тиф“, „Душечка“, „Припадок“, „Злоумышленник“, „Дуэль“ и еще многие.

Не думаю, чтоб и к Тургеневу, — как к литератору, — Толстой относился отрицательно, называл его „пустым“, ибо знаю ряд отзывов, которые резко противоречат показанию Наживина. В Гаспре, в 1901 году, Л. Н. говорил Чехову:

„Тургенев сделал великое дело тем, что написал удивительные портреты женщин. Может быть, таких, как он писал, и не было, но когда он написал их, они появились. Это — верно; я сам наблюдал потом тургеневских женщин в жизни“.

Чехов напомнил мнение Рескина о том, что искусство воспитывает людей. Толстой поправил его:

„Искусство не воспитывает людей непосредственно, а тем, что показывает, как хорошо хорошее, как дурно дурное. Оно учит замечать хорошее в жизни, выдвигает его вперед и заставляет подражать ему, — вот что говорил Рескин. А Тургенев был хороший писатель, у него просто честный язык, настоящий русский. Вот вы тоже знаете, что надобно писать честным русским языком, без загогулин и капризов...“

М. Горький, „Издадека“, „Современный мир“, 1912, № 10.

Когда к человеку относились „осторожнее“? Несомненно — вчера; стоит открыть книгу любого из вчерашних писателей, и — будет ли это книга Чехова или Лескова — от нее повеет на душу жаром любви к человеку, состраданием к нему, стремлением ободрить его...

М. Горький, „Издадека“, „Современный мир“, 1912, № 10.

Говорите кратко, просто, как Чехов или Бунин в его последних вещах, и Вы добьетесь желаемого впечатления.

Из письма Горького к П. Сурожскому, конец 1912 — начало 1913 г. В сборнике „М. Горький. Материалы и исследования“, I, Л., 1934, стр. 318.

Люди в футлярах, Передоновы и педагоги-садисты более характерны для России, чем Троицкие. Кстати сказать — биография этого человека написана Вами смешно.

Из письма Горького к С. Чевкину 1912 г. (?), в сборнике „М. Горький. Материалы и исследования“, I, Л., 1934, стр. 323.

1913 г.

Первый рассказ книги озаглавлен „Предсмертные мысли Гуляева“; Гуляев — это Иван Ильич Льва Толстого, профессор „Скучной истории“ Чехова, Иван Иванович из повести Арцыбашева „У последней черты“, — хорошо знакомый „литературный“ обыватель, назначение которого состоит в том, чтобы являться пред русским читателем во дни усталости, уныния и возбуждать вопрос о смысле жизни, о боге, мире, человечестве. Личность жалкая, назойливая и совершенно лишенная сознания человеческого достоинства.

...У Чехова Пимфов [в рассказе „Мыслитель“] рассуждает на эти темы значительно остроумнее и свежее.

Из рецензии Горького на книгу: Марк Кринуцкий, „Рассказы“, т. III — „Современник“, 1913, январь.

Очень рекомендую вниманию вашему Чехова и Бунина, — не для подражания, конечно, а для изучения их приемов. Оба они с изумительной силою чувствовали значение обыденного и прекрасно изображали его.

Ваше настроение отлично от их, вы — смотрите на жизнь, на людей мягко, добродушно, любите писать о хорошем в жизни и в людях.

Из письма Горького к неизвестному от февраля 1913 г., в сборнике „М. Горький. Материалы и исследования“, т. I, Л., 1934, стр. 344.

Есть в этом что-то правдиво русское, нелепое и жалкое, но еще более — подражание Чехову, не только в выборе темы, но и в языке. Следующий рассказ — „Казнь“ еще более утверждает в том, что г. Кумов сильно зависит от Чехова; это, конечно, хорошая зависимость, у Чехова есть чему учиться, но

г. Кумов не столько учится, сколько „списывает“, большинство его рассказов — копии, не всегда слабые, они все ненужны и вызывают чувство досады.

Из рецензии Горького на книгу Романа Кумова „В Татьянину ночь“, „Современник“, 1913, июль.

1917 г.

Займитесь собою, советую Вам! Читайте, изучайте приемы стилистов — Чехова, Тургенева, Лескова.

Из письма М. Горького к Вс. Иванову конца 1916 — начала 1917 г., „Известия ВЦИК“, 1936, № 228, 30 сентября, стр. 4; также: „Литературная газета“, 1936, № 55, 30 сентября, стр. 3.

Дама, изящная как статуэтка на подзеркальнике, спрашивает Ляхова:

— Вы читали „Скучную историю?“

Я смотрю на нее с досадой и думаю:

— У вас, сударыня, слова рождают мысли, а не мысли слова..

Асеев, закуривая папироску, говорит тихонько:

— История — это мы, люди...

Как у всех горбатых, лицо у него неправильное, некрасивое, в профиль оно кажется злым. Но великолепные глаза скрашивают уродство тела, — в этих глазах неисчерпаемо много тоскливого внимания к людям.

— Странное произведение! — хрипло кричит Шамов, веселый холостяк, сытый, круглый, с лицом монгола и жадным взглядом крошечных глаз, спрятанных в мешочках жирной кожи. — Можете себе представить на месте чеховского профессора — Пирогова, Боткина, Сеченова?

Он выпячивает живот, победоносно взмахивая пухлой, дамской ручкой, с изумрудом на пальце. Он уверен, что всегда говорит нечто неоспоримое, убийственное. Беседуют они — точно битую птицу щиплют. Ощипав Чехова, живо ощипали Бурже и выдергивают перья из Толстого.

— Все эти „скучные истории“ современных писателей вызваны „Смертью Ивана Ильича“...

— Совершенно верно!

— Толстой первый поставил ценность личного бытия выше ценности бытия мира...!

М. Горький, „Вечер у Шамова“, „Жизнь для всех“, 1917, № 3; также „Собрание сочинений“, т. 13, 1933, стр. 207. Воспоминания М. Горького относятся к 1889 г.

Мне жутко и приятно, что эти люди так легко снимают ризы с моих икон, хотя я не совсем понимаю — почему они делают это с таким удовольствием? И мне почти больно, когда о Чехове говорят слишком громко, неуважительно. После „Припадка“ я считаю Чехова писателем, который в совершенстве обладает „талантом человеческим, тонким, великолепным чутьем к боли“ и обиде за людей. Хотя мне странно видеть, что у него нет чутья к радостям жизни...

М. Горький, „Вечер у Шамова“, „Жизнь для всех“, 1917, № 3; также „Собрание сочинений“, т. 13, 1933, стр. 207.— Воспоминания Горького относятся к 1889 г. Рассказ Чехова „Припадок“ был напечатан в сборнике „Памяти В. М. Гаршина“, СПб., 1889. Взятые Горьким в кавычки слова „талантом человеческим, тонким, великолепным чутьем к боли“ взяты из текста этого рассказа, где они относятся к характеристике студента Васильева.

Подумайте, ведь если бы Пушкин и Лермонтов не были бы убиты, они могли бы дожить до Чехова, который только вчера ушел от нас...

[Статья без заглавия], „Путь освобождения“, 1917, № 1, 15 июля.

1919 г.

[Л. Н. Толстой] Чехова любил отечески и в этой любви чувствуется гордость создателя.

Кто-то прислал ему [Толстому] превосходный вариант сказки о христовом крестнике. Он с наслаждением читал сказку Сулеру, Чехову, — читал изумительно!

Об „унизительных порывах плоти“ он [Толстой] хорошо говорил в воскресенье, беседуя с Чеховым и Елпатьевским по поводу „Исповеди“ Руссо.

Я очень внимательно присматривался к Толстому, потому что искал, до сей поры ищу и по смерти буду искать человека живой, действительной веры. И еще потому, что однажды А. П. Чехов, говоря о некультурности нашей, пожаловался:

— Вот за Гете каждое слово записывалось, а мысли Толстого теряются в воздухе. Это, батенька, нестерпимо по-русски. После схватятся за ум, начнут писать воспоминания и — наврут.

...А. П. Чехов сказал мне, уходя от него: „не верю я, что он не был счастлив“.

Однажды он [Толстой] ожесточенно доказывал, что Г. И. Успенский писал на тульском языке, и никакого таланта у него не было. И он же при мне говорил А. П. Чехову:

— Вот — писатель! Он силой искренности своей Достоевского напоминает...

— Я — старик и, может, теперешнюю литературу уже не могу понять, но мне все кажется, что она — не русская. Стали писать какие-то особенные стихи, — я не знаю, почему эти стихи и для кого. Надо учиться стихам у Пушкина, Тютчева, Шеншина. Вот вы, — он [Толстой] обратился к Чехову, — вы русский! Да, очень, очень русский.

И, ласково улыбаясь, обнял А[нтон] П[авловича] за плечо, а тот сконфузился и начал баском говорить что-то о своей даче, о татарах.

Чехова он любил и всегда, глядя на него, точно гладил лицо А[нтон] П[авловича] взглядом своим, почти нежным в эту

минуту. Однажды А[нтон] П[авлович] шел по дорожке парка с/Александрой Львовной, а Толстой, еще больной в ту пору, сидя в кресле на террасе, весь как-то потянулся вслед им, говоря вполголоса:

— Ах, какой милый, прекрасный человек: скромный, тихий точно барышня! И ходит, как барышня. Просто — чудесный!

Сулер, Чехов, Сергей Львович и еще кто-то, сидя в парке, говорили о женщинах, он [Толстой] долго слушал безмолвно и вдруг сказал:

— А я про баб скажу правду, когда одной ногой в могиле буду, — скажу, прыгну в гроб, крышкой прикроюсь — возьми-ка меня тогда! — И его взгляд вспыхнул так озорно-жутко, что все замолчали на минуту.

О Чехове, которого ласково и нежно любил:

— Ему мешает медицина, не будь он врачом, — писал бы еще лучше. [Слова Л. Н. Толстого.]

У французов три писателя: Стендаль, Бальзак, Флобер, ну, еще — Мопассан, но Чехов — лучше его. [Слова Л. Н. Толстого.]

У Чехова есть прекрасный рассказ: „Душечка“, — ты почти похож на нее.

— Чем? — спросил Сулер [Л. А. Суллержицкий], смеясь.

— Любить — любишь, а выбирать — не умеешь и уйдешь весь на пустяки. [Слова Л. Н. Толстого.]

М. Горький „Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом“, изд. З. Гржебина, П., 1919; изд. 2-е, Берлин, 1922; дополнения — „Беседа“ (Берлин), 1923, № 1, май—июнь, стр. 178—182; полностью вошло в „Собрание сочинений“ Горького в „Воспоминания“ под заглавием „Лев Толстой“. Воспоминания М. Горького относятся к концу 1901 г. и началу 1902 г.

Но я видел, как А. Чехов, сидя в саду у себя, ловил шляпой солнечный луч и пытался — совершенно безуспешно — надеть его на голову вместе со шляпой. И я видел, что неудача раздражает ловца солнечных лучей, лицо его становилось все более сердитым. Он кончил тем, что, уныло хлопнув шляпой по колену, резким жестом нахлобучил ее себе на голову, раздраженно отпихнул ногою собаку „Тузика“, прищурил искоса взгляд в небо и пошел к дому. А увидав меня на крыльце, сказал ухмыляясь:

— Здравствуйте. Вы читали у Бальмонта: „Солнце пахнет травами“? Глупо. В России солнце пахнет казанским мылом, а здесь — татарским потом...

Он же долго и старательно пытался засунуть толстый красный карандаш в горлышко крошечной аптекарской склянки. Это было явное стремление нарушить некоторый закон физики. Чехов отдавался этому стремлению солидно, с упрямой настойчивостью экспериментатора...

М. Горький, „Люди наедине сами с собою“, в сборнике „Беседа“ (Берлин), 1923, № 1; также в „Собрании сочинений“, т. 19, 1933, стр. 131. Воспоминания Горького относятся, повидимому, к 1901—1902 гг. „Солнце пахнет травами“ — см. стихотворение К. Д. Бальмонта „Аромат солнца“.

Крупный оригинальный талант Слепцова некоторыми чертами сроден чудесному таланту А. П. Чехова; хотя Слепцов совершенно не владел вдумчивой, грустной лирикой, чутьем природы и мягким однако точным языком Антона Чехова, но острота наблюдений, независимость мысли и скептическое отношение к русской действительности очень сближают этих писателей, далеких друг другу в общем.

М. Горький, „О Василии Слепцове“. Вступительный очерк к повести В. А. Слепцова „Трудное время“, Берлин, Изд-во Гржебина, 1923 г.

Я вспомнил эти дни [когда узнал о смерти бабушки] много лет спустя, когда прочитал удивительно правдивый рассказ А. П. Чехова про извозчика, который беседовал с лошадьёю о смерти сына своего. И пожалел, что в те дни острой тоски не

было около меня ни лошади, ни собаки, и что я не догадался поделиться горем с крысами, — их было много в пекарне, и я жил с ними в отношениях доброй дружбы.

М. Горький, *„Мои университеты“*, „Собрание сочинений“, т. 18, 1933, стр. 47.

1925 г.

Русская литература играла подчиненную и гигантскую политическую роль, потому что условия жизни ее народа принуждали ее рисовать ужасающие картины русского образа жизни с целью вызвать отвращение к нему.

Этой цели служил великолепный новеллист Иван Тургенев и немало сил отдал ей Антон Чехов в своих рассказах „Мужики“, „Новая дача“, „Моя жизнь“, „Унтер Пришибеев“ и во многих других.

М. Горький. [Статья о русской литературе на венгерском языке в журнале „Nyugat“ („Запад“) 1925, karácsony.]

1926 г.

Писать пейзаж словами у нас многие очаровательно умели и умеют. Стоит вспомнить И. С. Тургенева, аксаковские „Записки ружейного охотника“, превосходные картины Льва Толстого. А. П. Чехов „Степь“ свою точно цветным бисером вышил. Сергеев-Ценский, изображая пейзаж Крыма, как будто Шопена на свирели играет. Есть и еще много искусного, трогательного и даже мощного в изображении пейзажа нашими мастерами слова.

М. Горький, „О М. М. Пришвине“, „Красная Новь“, 1926, № 12.

За чаем Красин начал говорить о литературе, удивляя меня широкой начитанностью, говорил о театре, восхищаясь В. Ф. Коммисаржевской, Московским Художественным. Когда я сказал, что пьесы Чехова следовало бы ставить не как лирические драмы, а как лирические комедии, он расхохотался.

— Но ведь это был бы почти скандал! — вскричал он, но затем полусогласился.

— Может быть, вы правы, пожалуй как комедии они более отвечали бы слагающейся социальной обстановке и настроению молодежи. Панихиды — не ко времени, хотя и красивы.

М. Горький, „Леонид Красин“, „Известия ЦИК“, 1926, № 294, 12 декабря; также в „Собрании сочинений“, т. 22, 1933, стр. 162.

1927 г.

Говорил [Гарин-Михайловский] как будто небрежно, но на самом деле очень ловко и своеобразно построенными фразами. Замечательно искусно владел вводными предложениями, которые терпеть не мог А. П. Чехов.

М. Горький, „О Гарине-Михайловском“, „Красная Новь“, 1927, № 4; также в „Собрании сочинений“, том 22, 1933, стр. 178.

И когда, спустя много времени, я спросил его:

Написали о леснике?

Он сказал:

— Нет, это не моя тема. Это — для Чехова, тут нужен его лирический юмор.

М. Горький, „О Гарине-Михайловском“, „Красная Новь“, 1927, № 4; также в „Собрании сочинений“, т. 22, 1933, стр. 183. Речь идет о рассказанном однажды Н. Гариным М. Горькому случае, который он хотел изобразить: „— На трех страницах, не больше! — Рассказ, насколько я его помню, таков: лесной сторож, человек углубленный в себя, подавленный одинокой жизнью и только чувствующий зверя в человеке, идет, к ночи в свою сторожку. Обогнал бродягу, пошли вместе. Вялая и осторожная беседа людей, взаимно не верящих друг другу. Собирается гроза, в природе напряжение, над землею мечется ветер, деревья прячутся друг за друга, жуткий шорох. Вдруг сторож почувствовал, что бродягу соблазняет желание убить его. Он старается итти сзади попутчика, но тот, явно не желая этого, шагает рядом. Оба замолчали. И сторож думает: все равно, что бы он ни делал — бродяга убьет его, — судьба! Пришли в сторожку, лесник накормил бродягу, поел сам, помолился и лег, а нож, которым резал хлеб, оставил на столе, да еще перед тем как лечь осмотрел ружье, стоявшее в углу у печки. Разыгралась гроза. Гром в лесу гудит особенно жутко и молнии страшнее. Хлещет ливень, сторожка дрожит, как будто сорвалась с земли и плывет. Бродяга посмотрел на нож, на ружье, встал и надел шапку.

«Куда?» — спросил лесник.

«Уйду я, ну-тя к чорту».

«Зачем?».

«Знаю! Убить меня хочешь ты».

Сторож схватил его, говорит:

«Полно, брат! Я ведь думал: ты меня убить хочешь. Не уходи!».

«Уйду! Уж коли оба думали об этом, значит: одному не жить».

И ушел бродяга. А сторож, оставшись один, сел на лавку, заплакал скупыми мужицкими слезами...»

Надобно давать [в журнал для писателей-самоучек] статьи, характеризующие язык, стиль старых мастеров словесного искусства — Гоголя, Толстого, Лескова, Бунина, Чехова. Это очень важно, это расскажет новичкам о „тайнах“ речевой техники, о пластике слова, научит их располагать материал, владеть сюжетом, покажет им разницу между „рассказать“ и „изобразить словами“.

Из письма к О. В. Анзиминовой от 18 июня 1927 г., „Жернов“, 1927, № 4—5.

Недавно Луначарский цитировал в своем докладе на съезде Советов слова Чехова об учителях, Вы конечно, понимаете, что под словами Анатолия Васильевича я тоже подписываюсь.

Из письма Горького к С. Фомину. Лето 1927 г., „Народный учитель“, 1927, ноябрь, стр. 131. В своем докладе об общем состоянии народного просвещения в РСФСР на 9-м заседании XIII Всероссийского съезда Советов, состоявшемся 14 апреля 1927 г., нарком просвещения А. В. Луначарский прочел страницу из воспоминаний Горького о Чехове, где Горький приводит слова об учителях. См. стр. 200—202 настоящей книги.

Очень советую вам: займитесь собой серьезно, упорно, обогащайте себя знанием русского языка, читайте больше, читайте таких мастеров словесного искусства, каковы: Пушкин, Гоголь, Л. Толстой, Лесков, Чехов, Бунин. Читайте, старайтесь уловить, чем отличается Лесков от Гоголя и Толстого, Чехов от Бунина. Какими средствами достигают они того, что вы как будто бы видите все, что они рассказывают вам, и как будто бы слышите речь их героев.

Из письма Горького к А. Переузову от 4 октября 1927 г., „Вечерняя Москва“, 1936, № 142, 22 июля, стр. 2.

Опыта, впечатлений у вас, молодежи, больше чем у людей моего поколения, но вам необходимо знание техники, техники, техники! Изучайте с этой стороны, и не боясь никаких „идеологических уклонов“ стариков: Гоголя, Толстого, Лескова, Чехова, Бунина, — умейте понять, чем они сильны, в чем обаяние их искусства. Изучить, понять — это значит вооружиться для хорошей работы.

Из письма Горького к Сергею Ахрему от 20 декабря 1927 г., „Гудок“, 1932, 24 сентября.

1928 г.

Литературной технике и языку надобно учиться именно у Толстого, Гоголя, Лескова, Тургенева, к ним я прибавил бы и Бунина, Чехова, Пришвина. Бояться идеологической заразы — значит не верить в силу классового самосознания.

М. Горький, „О пользе грамотности“, в газете „Читатель и писатель“, М., 1928, № 11, 17 марта.

Вы должны учиться, не щадя себя, учиться всему, что есть лучшего в мире, всякой технике и, конечно, технике словесного творчества. Этому научиться не так трудно, потому что у вас есть великолепные образцы: Гоголь, Лев Толстой, Лесков, Чехов, Пришвин, и немало других отличнейших знатоков русского языка, строя русской речи.

Из письма Горького Б. Полевому от 10 января 1928 г., „Смена“, М., 1928, № 4, февраль.

Лев Николаевич беседовал на террасе с А. П. Чеховым, а и Сулержицкий пришли в тот момент, когда Л. Н. высмеивал „Грациеллу“ Ламартина, затем стал читать на французском языке стихи Казимира де-Лавинь.

Из письма Горького А. К. Виноградову от 8 мая 1928 г., „Печать и Революция“, 1928, кн. 6, сентябрь.

Все это мелочи, но — необходимо их знать для того, чтобы уничтожить. Писательская техника вся на таких мелочах. У Толстого, Тургенева, Чехова и т. д. вы их не встретите. Вам, молодняку, надобно смотреть высоко, учиться у лучших мастеров.

Из письма к А. Руммеру от 19 декабря 1928 г., „Коммунист“, 1928, 28 февраля.

Чтобы убедиться в быстроте роста языка, стоит только сравнить запасы слов — лексиконы — Гоголя и Чехова, Тургенева и, например, Бунина, Достоевского и, скажем, Леонида Леонова.

М. Горький, „Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать“, М., ГИЗ, 1928.

А. П. Чехов сказал мне о Медынской в „Фоме Гордееве“: „У нее, батенька, три уха; — одно на подбородке, смотрите“. Это было верно, — так неудачно я посадил женщину к свету.

Такие, будто мелкие, ошибки имеют большое значение, потому что они нарушают правду искусства.

М. Горький, „Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать“, М., ГИЗ, 1928.

Выразителем резко отрицательного отношения к идеализации деревни является А. П. Чехов в его упомянутых рассказах „Мужики“, „В овраге“ и в рассказе „На даче“, а особенно резко это отношение выражено И. Буниным в повести „Деревня“ и во всех его рассказах о крестьянстве...

М. Горький, „Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать“, М., ГИЗ, 1928.

По вопросам о нашем „романтизме“ необходимо знать еще следующее. До Чехова — рассказы „Мужики“, „В овраге“ — и Бунина — „Деревня“, все его рассказы о крестьянах, — дворянская наша литература любила и прекрасно умела изображать крестьянина человеком кротким, терпеливым, влюбленным в какую-то надземную „Христову правду“, которой нет места в действительности, но о которой всю жизнь мечтают мужики, подобные Калинычу Тургенева из рассказа „Хорь и Калиныч“ и Платону Каратаеву из „Войны и мира“ Толстого...

М. Горький, „Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать“, М., ГИЗ, 1928.

Но по отношению к таким писателям-классикам, каковы Бальзак, Тургенев, Толстой, Гоголь, Лесков, Чехов, трудно сказать с достаточной точностью, кто они, романтики или реа-

листы. В крупных художниках реализм и романтизм всегда как будто соединены. Бальзак-реалист, но он писал и такие романы, как „Шагреневая кожа“, произведение очень далекое от реализма. Тургенев тоже писал вещи в романтическом духе, так же как и все другие крупнейшие наши писатели, от Гоголя до Чехова и Бунина. Это слияние романтизма и реализма особенно характерно для нашей большой литературы, оно и придает ей ту оригинальность, ту силу, которая все более заметно и глубоко влияет на литературу всего мира.

М. Горький, „Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать“, М., ГИЗ, 1928.

Лесков несомненно влиял на меня поразительным знанием и богатством языка. Это вообще отличный писатель и тонкий знаток русского быта, писатель, все еще не оцененный по заслугам перед нашей литературой. А. П. Чехов говорил, что очень многим обязан ему.

М. Горький, „Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать“, М., ГИЗ, 1928.

1929 г.

А вот современная молодежь жадна, даже как будто болезненно жадна на хвалу, и если молодому автору не сказать, что он почти Гоголь или без малого Чехов, так он обижается.

Из письма к В. В. Каменскому 11 мая 1929 г., газета „Звезда“ [Пермь], 1936, 22 июня.

Мопассана и, наверное, Чехова я Вам указал, как непревзойденных мастеров „новеллы“, маленького рассказа.

Из письма к П. Орлову, до 29 июня 1929 г., „Пролетарий: Осетии“ [г. Орджоникидзе], 1936, № 141, 22 июня.

В одном из наших журналов т. И. Ломов поместил статью: „Пятилетний план беспартийного культурничества“. Как всегда в статьях молодых критиков, в этой статье весьма много цитат, и все они доказывают, что Госиздат, печатая классиков, делает дело вредное для рабочего класса. Кроме цитат, в статье

нет ничего, что исходило бы непосредственно из опыта автора. А мне кажется, что автору следовало бы знать еще что-нибудь, кроме цитат. Например: отчеты библиотек, — в этих отчетах цифры говорят о положительном отношении рабочей массы к литературе старых писателей. Едва ли т. Ломов сумеет доказать рабочему вред для него, например, „Бориса Годунова“, „Мертвых душ“, „Крестьян“ Бальзака, „Мужиков“ Чехова, „Мещанского счастья“ Помяловского, „Деревни“ Бунина и еще полсотни или сотни таких же правдивых повестей о недалеком прошлом...

М. Горький, „Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры“, „Известия ЦИК“, 1929, № 168, 25 июля.

В 1901 г. в деревне Кучук-Кой жил туберкулезный учитель Доброклонский или Доброхотский: меня познакомил с ним А. П. Чехов, сказав, что учитель „тоже пишет, но — безнадежен“.

М. Горький „Ответ“, „Известия ЦИК“, 1929, № 292, 12 декабря.

Вам следует заняться языком. Не хочу сказать, что он плох, но он еще беден. Требуется, чтобы вы обогатили его. Читайте Лескова, Чехова, Бунина, Пришвина — все это люди очень богатого лексикона и превосходные знатоки русской речи и „описательного“ языка.

Из письма М. Шошину [1929 г.], „Курская правда“, 1936, 20 июня.

1930 г.

Вы пишете: „Я основательно штудировал философов“, — так ли основательно, как это кажется Вам. Думаю, что Вы ошибаетесь, — иначе Вы не поставили бы Шервуда Андерсена, у которого нет никакой „философии“, а прямая зависимость от плохо понятного им Чехова; — не поставили бы Андерсена рядом с Гамсуном, который пришел к признанию рока и необходимости покоряться ему, как это явствует из его последних книг: „Соки земли“, „Санатория Торахус“, „Бродяги“...

М. Горький, „Письма из редакции. Письма начинающим литераторам“, „Литературная учеба“, 1930, № 1.

Побольше читайте хороших мастеров словесности: Чехова, Пришвина, Бунина „Деревню“, Лескова — отличнейший знаток русской речи! Вообще — следите за языком, обогащайте его.

М. Горький „Письма из редакции. Письма начинающим литераторам“, „Литературная учеба“, 1930, № 1.

„Отдых души“. Крайне трудно вообразить существо, „душа“ коего отдыхала бы, когда существо это читает „Прометей“, „Гамлета“, „Дон-Кихота“, „Фауста“, книги Бальзака и Диккенса, Толстого и Стендаля и Достоевского, Успенского, Чехова и вообще те книги, которые предстают пред нами как изумительно обработанные в образе и слове сгустки мысли, чувства, крови и горьких, жгучих слез мира сего.

М. Горький, „Беседы о ремесле“, „Литературная учеба“, 1930, № 6.

1931 г.

Этот покорнейший слуга капиталистов напоминает мне одного из героев Антона Чехова — совестливого чиновника Червякова, который, сидя в театре, неосторожно чихнул на лысину генерала, испугался своей неосторожности, счел ее за великий грех и назойливостью своих извинений довел генерала до того, что генерал выгнал его вон, после чего огорченный чиновник умер.

М. Горький, „Ураган, старый мир разрушающий“, „Известия ЦИК“ и „Правда“, 1931, № 51, 21 февраля. Речь идет о министре иностранных дел во Франции, бывшем социалисте Аристиде Бриане, которого М. Горький сравнивает с героем рассказа А. Чехова „Смерть чиновника“.

...Литератор думает, что литература — его частное дело. Изредка ему помогают думать так мудрые недоучки и болваны. Недавно один из таких сказал писателю: „Писательство — ваше личное дело, и меня не касается“. Это — вреднейшая чепуха. Литература никогда не была личным делом Стендаля или Льва Толстого, она всегда дело эпохи, страны, класса. Существует литература древних греков и римлян, итальянского Возрождения,

Елизаветинской эпохи, литература декадентов, символистов, но никто не говорит о литературе Эсхила, Шекспира, Данте и т. д., несмотря на изумительное разнообразие типов русских литераторов XIX — XX столетий, мы все-таки говорим о литературе, как об искусстве, отражающем драмы, трагикомедии и романы эпохи, а не как о литературе единиц — Пушкина, Гоголя, Лескова, Чехова.

М. Горький, „О литературе и прочем“, „Известия ЦИК“ и „Правда“, 1931, № 151, 9 июня.

Мягкости языка, его точности можно научиться у Чехова: короткая фраза, совершенно отсутствуют вводные предложения. Этого он всегда избегал с огромным умением.

М. Горький, „Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу“, в книжке М. Горького „Две беседы“, ОГИЗ — Молодая Гвардия, М., 1931.

1932 г.

Вместе со всем этим резко изменилось отношение литературы к мужику; благодушный мечтатель и лирик исчез, явились дикие, пьяные и странные „Мужики“ Чехова, Бунина и других сочинителей.

М. Горький, „О старом и новом человеке“, „Известия ЦИК“ и „Правда“, 1932, № 117, 27 апреля.

В свое время критика мимоходом отметила странный факт: если русский писатель хотел изобразить человека сильной воли, он брал или болгарина, как Тургенев в „Накануне“, или немца, как Гончаров в романе „Обломов“, как Чехов в повести „Дуэль“. Потребность в человеке волевым чувствовалась, но сам русский литератор был, очевидно, человеком, в котором волевое начало не очень сильно развито, и возможно даже, что оно не прельщало его, потому что пугало, а пугало потому, что волю он видел воплощенной в самодержавии и видел ее реакционность, ее глупость и бездарность.

М. Горький. „Еще раз об «Истории молодого человека XIX столетия»“, „Известия ЦИК“, 1932, № 147, 29 мая.

Всеядный читатель ухитряется гармонически сочетать в себе любовь к „Мертвым душам“ с любовью к „Дворянским гнездам“, интерес к Марксу с интересом к Ницше, восхищался Чеховым одновременно с Джеком Лондоном и т. д.

М. Горький, „О прозе“, „Литературная учеба“, 1933, № 1.

Но есть прославленные авторы, которые рисуют словами, например — так:

„Ветер со свистом понесся по степи и поднял с травой такой шум, что из-за него не было слышно ни грома, ни скрипа колес. Он дул с черной тучи, неся с собою облака пыли, запах дождя и мокрой земли. Лунный свет затуманился, стал как будто грязнее, звезды еще больше нахмурились, и видно было, как по краю дороги кружились, спешили куда-то назад облака пыли и их тени. Чернота на небе раскрыла рот и дынула белым огнем, тотчас же снова грохнул гром, черные лохмотья тучи поднимались кверху, одно из них, похожее на мохнатую лапу, потянулось к луне и стерло ее с неба“.

Это сделано А. П. Чеховым в его рассказе „Степь“¹ и по этой картине можно учиться писать: всё — ясно, все слова — просты, каждое — на своем месте.

М. Горький, „О прозе“, „Литературная учеба“, 1933, № 1. — Цитата приведена почти дословно. У Чехова сказано:

„Ветер со свистом понесся по степи, беспорядочно закружился и поднял с травой такой шум, что из-за него не было слышно ни грома, ни скрипа колес. Он дул с черной тучи, неся с собой облака пыли и запах дождя и мокрой земли. Лунный свет затуманился, стал как будто грязнее, звезды еще больше нахмурились, и видно было, как по краю дороги спешили куда-то назад облака пыли и их тени... Чернота на небе раскрыла рот и дынула белым огнем; тотчас же опять загремел гром; едва он умолк, как молния блеснула так широко, что Егорушка сквозь щели рогожи увидел вдруг всю большую дорогу до самой дали — всех подводчиков и даже Кириухину жилетку. Черные лохмотья слева уже поднимались кверху, и одно из них, грубое, неуклюжее, похожее на лапу с пальцами, тянулось к луне“.

¹ Цитировано „по памяти“, книги под рукой не было, возможны неточности. [Примечание М. Горького. Ред.]

Я не представляю, чему мог бы научиться у Островского современный молодой драматург. Другой наш крупнейший деятель театра А. П. Чехов создал — на мой взгляд — совершенно оригинальный тип пьесы — лирическую комедию. Когда его изящные пьесы играют как драмы, они от этого тяжелеют и портятся. Герои его пьес — интеллигенты из тех, которые всю жизнь свою старались понять: почему так неудобно сидеть в одно и то же время на двух стульях? Меньше всего сейчас нам необходима лирика.

М. Горький, „О пьесах“, „Литературная учеба“, 1933, № 2.

1934 г.

...дело в том, что у т. Панферова, несмотря на его бесспорную талантливость, отношения с литературным языком вообще не благополучны. Он почему-то думает, что над русской литературой все еще тяготеет словарь Даля, который вообще не тяготел над ней, и он как будто забыл, что литература наша обладает богатым языковым материалом „народников“, а также лексиконами таких своеобразных „стилистов“, как Герцен, Некрасов, Тургенев, Салтыков, Лесков, Г. Успенский, Чехов. С этим прекрасным наследством наши молодые писатели плохо знакомы и как будто не хотят знакомиться, удовлетворяясь такими пошлыми образцами „словотворчества“, как, например, „катись колбаской“, „дать пять“ и т. д.

М. Горький, „По поводу одной дискуссии“, „Литературная газета“, 1934, № 9, 28 января.

Остаются рассказы: „112-й опыт“, „Колесо“, „Поход победителя“. Автор — литературно грамотен, у него простой, ясный язык, автор, видимо, учился у Чехова, умеет искусно пользоваться чеховскими „концовками“, обладает юмором и вообще даровит...

М. Горький, „Беседа с молодыми“, „Литературная газета“, 1934, № 50, 22 апреля.

Как и на Западе — наша литература развивалась по двум линиям: линия критического реализма — Фонвизин, Грибоедов, Гоголь и т. д. до Чехова, Бунина, и линия чисто мещанской

литературы — Булгарин, Массальский, Зотов, Голицинский, Вонлярлярский, Всеволод Крестовский, Всеволод Соловьев — до Лейкина и Аверченко и подобных.

М. Горький, „О советской литературе“, „Известия ЦИК“, 1934, № 193, 19 августа. См. также „Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934. Стенографический отчет“, М., 1934.

Раньше, чем перейти к Чехову, следовало бы сказать нечто о „Мещанском счастье“ и „Молотове“ Помяловского — он дал чеховских героев до Чехова.

М. Горький, „Заметки на учебник литературы Г. Абрамовича, Б. Брайниной и А. Еюлина“ [1934 г.], „Правда“, 1936, № 217, 8 августа, стр. 3.

1935 г.

Товарищам и гражданам Таганрога

Нездоровье помешало мне принять даже заочное участие в чествовании вашем памяти Антона Павловича Чехова, да, вот и с этим откликом опоздал я. Теперь, слушая рассказы о том, как прекрасно организован был вами день Чехова, как торжественно вы провели его, я еще раз убеждаюсь в быстроте и широте культурного роста людей великой нашей страны.

Я хорошо помню начало литературной деятельности А. П. Чехова, помню кисленькие улыбочки дореволюционных обывателей, когда они почувствовали, что человек, который казался им только веселым забавником, начал мягкой рукой, но безжалостно обнажать пошлость и глупость их жизни. Его пронизательный взгляд удивительно легко и метко вскрывал за мишурой привычной, либеральной болтовни тупой эгоизм и трусливое лицемерие домашних животных, царя Александра III-го и сына его, который ухитрился возвыситься почти до символической фигуры всероссийского обывателя, — до фигуры, которая совмещала в себе хладнокровную жестокость к людям с византийской хитростью и глупостью дегенерата.

Чествование памяти одного из крупнейших художников русского слова вы превратили в торжественный праздник, какого еще не бывало. Как гражданин страны нашей, я горжусь

небывалым почетом, оказанным вами работе литератора, как литератор — кланяюсь вам, от себя и от лица Союза литераторов.

М. Горький

„Таганрогская правда“, 1935, № 165, 21 июля. — Письмо написано Горьким по поводу организованного г. Таганрогом празднования 75-летия со дня рождения Чехова.